© 2010 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ», ПОСВЯЩЕННАЯ 150-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА В.П. БУЗЕСКУЛА (Харьков, 10–11 октября 2008 г.)

10–11 октября 2008 г. в Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина состоялась VI Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула. В ее работе приняли участие более 90 ученых из Украины и России, проходила она в восьми секциях: Каменный век и эпоха палеометалла; Ранний железный век; История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху; История и культура античного мира; Изучение и преподавание всеобщей истории в университетах Украины и России; Славяне и кочевники; Византия и итальянские колонии в Северном Причерноморье; История города Харькова и Слободской Украины.

В данной хронике конференции приводится обзор докладов по античной истории, заслушанных на пленарном заседании и на заседании секций: История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху; История и культура античного мира; Изучение и преподавание всеобщей истории в университетах Украины и России. На пленарном заседании 10 октября с докладом «...Плод 50-летнего научного труда» (К переизданию последней монографии В.П. Бузескула “Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века”) выступила *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург). Докладчик ярко и образно охарактеризовала сложную ситуацию середины 1920-х – начала 1930-х годов, когда Владислав Петрович взялся за написание и издание своего фундаментального труда по истории отечественной исторической науки. В условиях постоянного идеологического давления В.П. Бузескулу удалось издать лишь две первые части труда, посвященные начальному этапу становления исторической науки в России, историографии истории Древнего Востока и Античного мира, Западной Европы эпохи Средневековья и Нового времени. Третья часть, посвященная истории отечественной византистики и славяноведения, на долгие годы стала достоянием архивов. Бесплодными были и старания академика С.А. Жебелева издать эту часть работы в 1930-е годы. Даже после возрождения византистики и славяноведения в СССР во второй половине 1940-х годов, несмотря на все попытки известных ученых издать этот труд в советское время так и не удалось.

Отметим, что лишь в 2008 г. к 150-летию юбилею В.П. Бузескула благодаря кропотливому упорному труду *И.В. Тункиной* все три части труда по истории отечественной исторической науки увидели свет без купюр, с обстоятельной вступительной статьей, научными комментариями, именным указателем, приложениями: В.П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. 832 с.

Секция «История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху» (председатели – В.М. Зубарь, С.Ю. Сапрыкин) была представлена разнообразными по тематике докладами. *В.М. Зубарь* (Киев) в докладе «Еще раз о методике датировки склепов с раннехристианской росписью из некрополя Херсонеса» проанализировал данные о новых херсонесских склепах с христианской росписью и граффити. Автор подверг сомнению выводы о времени и обстоятельствах христианизации населения Херсонеса, сделанные на основании упомянутых материалов. Акцентируя внимание на вопросах методики датировки таких памятников, В.М. Зубарь пришел к выводу, что на основании монет второй половины IV – начала V в. н.э., обнаруженных в таких погребальных сооружениях, нельзя датировать ни время их сооружения, ни роспись. Учитывая, что склепы являются не закрыты-

ми комплексами, он отметил, что основное внимание при их датировке следует обращать на характер стилистических и смысловых особенностей росписи, а также на расположение этих склепов рядом с христианскими культовыми комплексами, наиболее ранний из которых относится ко времени не ранее середины V в. н.э. Особый акцент в докладе был сделан на необходимости учитывать при датировке эффект «запаздывания» хронологических рамок бытования того или иного элемента росписи в Херсонесе в сравнении с центрами, где процесс христианизации населения шел быстрее, чем в Таврике. Однако докладчик не исключил возможности, что часть херсонесских склепов могли расписывать не только во второй половине V в., но и в VI в. Окончательное решение вопроса о датировке новых склепов с христианской росписью, по мнению автора, возможно только при наличии полной публикации материалов из раскопок некрополя Херсонеса.

С.Ю. Сапрыкин (Москва) и *Н.Ф. Федосеев* (Керчь) в докладе «Новые неопубликованные надписи из Пантикапея» проанализировали две надписи, происходящие из Керчи. Первая – посвящение царицы Пифодориды Филометоры за царя Аспурга, названного происходящим от царя Асандроха, была случайно обнаружена в 2008 г. на горе Митридат. Автор доклада подчеркнул большое значение данного памятника для истории Боспора, Понта и их взаимоотношений с Римской империей. Анализируя текст документа, С.Ю. Сапрыкин пришел к выводу, что данная посвятельная надпись появилась в результате посещения Пифодоридой Пантикапея в связи с интронизацией и инаугурацией Аспурга и фракийской принцессы Гипепирии, что произошло почти одновременно со свадьбой ее дочери Антонии Трифены и Котиса III Сапея. По мнению исследователя, понтийская царица покинула Понт и Каппадокию в 14 г. н.э., чтобы посетить Фракию и Боспор и принять участие в столь знаменательных для ее покровителей в Риме событиях. Появление посвятельной надписи в честь Аспурга, нового правителя Боспора, автор рассматривает как отказ царицы Пифодориды от своих прежних притязаний на это царство. Докладчик также проанализировал неопубликованное письмо на свинцовой пластинке из акрополя Пантикапея, которое свидетельствует об особенностях экономических и торговых отношений на Боспоре конца V – начала IV в. до н.э.

Следующие доклады были посвящены интерпретации археологических материалов, обнаруженных на территории Боспорского царства. *Л.Г. Шенко* (Донецк) в докладе «Терракотовая фигура с мечом из Заветного» проанализировала глиняную статуэтку V – начала IV в. до н.э., найденную на поселении у с. Заветное в Юго-Восточном Крыму. Терракота в виде объемной скульптуры (высота – 5,3 см, основание – 4,5 × 5 см) изображает сидящего мужчину с подчеркнуто округлым животом и грудью, одетого в хитон. В правой руке он сжимает рукоять меча типа котиса (или махайр), острие которого лежит на левом колене. Исследовательница отметила, что в данной статуэтке главное внимание сосредоточено на двух деталях – на мече и гениталиях. Проводя аналогии с находками подобных терракот из Кипра, Родоса, Балканской и Малоазийской Греции, а также Ольвии, Березни и Никония, автор пришла к выводу, что боспорская статуэтка связана с культом Кабиров. Кроме того, детали изображения позволяют сделать уточнение относительно того, что данный культ в рассматриваемый период начинает приобретать на Боспоре дионисийские черты.

Л.Л. Селиванова (Москва) рассмотрела в докладе «Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки?» нетипичный для греческого искусства рельеф IV в. до н.э. с изображением сцены битвы, фрагменты которого были обнаружены в 1983 и 1990 гг. на территории совхоза «Юбилейный» на Таманском полуострове. Автор проанализировала существующие точки зрения на семантику изображения, выделив традиционную интерпретацию рельефа (битва греков с амазонками), и точку зрения сторонников «мужской» трактовки (изображение битвы старых и молодых скифов, либо варваров вообще). Л.Л. Селиванова подчеркнула, что в отличие от греческой иконографии, в рельефах из Северного Причерноморья амазонки обычно представлены в так называемом скифском костюме, что не позволяет точно определить пол изображенных фигур. Подробный анализ деталей рельефа позволил автору сделать вывод о том, что данный рельеф со сценой сражения является блестящей иллюстрацией сообщения Геродота (IV. 110–117). Местный боспорский мастер, хорошо знакомый с канонами греческого искусства, изобразил сказание о происхождении савроматов от амазонок и скифов и о первой встрече скифов с амазонками, когда те еще не знали, что перед ними женщины, а не молодые мужчины.

Исследованию керамического комплекса в понизовьях Днестра посвятила свой доклад *В.О. Хромова* (Одесса) «Комплекс сероглиняной гончарной керамики Нижнего Поднестровья VI–IV вв. до н.э. Общий обзор». Весь имеющийся набор сероглиняной гончарной керамики был представлен здесь, по мнению автора, столовой посудой. Наиболее четко сероглиняная гончарная керамика представлена в шести поселениях: Никоний (VI–IV вв. до н.э.), Надлиманское – 3 и 6 (VI–V вв. до н.э.), Тира, Овидиополь-1 и Южное (IV в. до н.э.). В.О. Хромова отметила, что большинство форм происходит

из Никония и почти полностью напоминают истрийскую и фракийскую сероглиняную керамику. Анализ же данного керамического материала из Тиры и близлежащих поселений западного берега Днестровского лимана тяготеет к формам керамики, представленным в Ольвии. Результаты исследования, по мнению автора, позволяют говорить о том, что Истрия и Ольвия оказывали значительное влияние на греческие поселения Северо-Западного Причерноморья, которые, в свою очередь, через реки Днестр и Прут осуществляли торговлю с варварскими поселениями Верхнего Поднепровья и Восточной Венгрии.

В докладе *С.О. Немцева* (Херсон) «Статистико-комбинаторный анализ как основа типологии и хронологии профильных частей амфор Гераклеи Понтийской» на основе методов математической статистики была сделана попытка уточнения и выработки новых критериев типологической классификации предложенного амфорного материала. Выборка для анализа была взята из материалов, полученных в результате работы археологической экспедиции Херсонского государственного университета на Белозерском поселении в 1998–2007 гг. Проанализировав существующие методы классификации гераклеических амфор, автор предложил использовать для построения метрической классификации метод сравнения объектов в n -мерном гиперпространстве, сравнения признаков с просчетом евклидова расстояния между ними и последующим кластерным анализом полученной матрицы расстояний с помощью агломеративно-иерархического метода. По мнению С.О. Немцева, для определения типобразующих признаков необходимо определить ранжир евклидовых расстояний, на которых произошло оформление кластера как таксона классификации и дальнейшей проверки правильности выделения полученных таксонов с помощью статистических критериев. Соответствие вариационных рядов выявленных таксонов нормальному распределению позволяет, с точки зрения автора, судить о состоянии процесса типобразования в данных группах материала и может служить основой для дальнейшего анализа.

В.П. Былкова (Херсон) рассмотрела в докладе «Белозерское поселение – памятник в зоне греко-варварских контактов (раскопки 2003–2007 гг.)» результаты последних археологических исследований небольшого греческого поселения в устье Днепра, относящегося к восточной периферии сельской территории Ольвии (пос. Днепровский, Белозерский р-н, Херсонская обл.). Раскопки на этом памятнике проводились под руководством автора экспедицией Херсонского государственного университета. В докладе было отмечено, что самый ранний керамический материал здесь датируется первой четвертью IV в. до н.э. Расцвет жизни на поселении, по мнению В.П. Быловой, относится ко второй–четвертой четвертям IV в. до н.э., а в конце этого столетия осуществляется большая перестройка, что позволяет четко выделить два строительных периода. Результаты исследования материалов из раскопок на поселении дают возможность сделать вывод о завершении его существования в первой трети III в. до н.э. и подвергнуть сомнению сведения о находках в этом районе монет второй половины III – первой половины II в. до н.э. Исследовательница подчеркнула, что на протяжении всего хронологического периода жизнь на поселении продолжалась без перерывов, однако конец его существования, вероятно, не был спокойным. Автор убедительно доказала, что религиозные представления жителей Белозерского поселения соответствовали греческим культам и обрядности, антропологические материалы свидетельствуют о населении классического средиземноморского типа, а характер материальной культуры свойственен поселениям эллинской хоры. Контакты данного поселения были ограничены рамками Ольвийского государства и развивались по линии полис – хора. Однако, несмотря на местонахождение Белозерского поселения на периферии сельской территории Ольвии, уклад жизни и духовная культура его обитателей отражали античные стандарты.

Характеристике института благодетелей гражданской общины и системы несения общественных служб посвятила свой доклад «Благотворительность и литургии в античных городах Северного Причерноморья» *О.А. Ручинская* (Харьков). Анализ эпиграфического материала позволил автору доклада датировать наиболее ранние свидетельства о существовании здесь литургий V–IV вв. до н.э. и охарактеризовать их как малые ординарные литургии – хорегия и гимнасиархия. В дальнейшем, в эллинистический период, как было отмечено, упомянутые литургии становятся магистратурами. В то же время деятельность и роль отдельных эвергетов в полисах Северного Причерноморья значительно возрастают. *О.А. Ручинская* подчеркнула, что лапидарные тексты первых веков нашей эры свидетельствуют о том, что благотворительность в этот период приобретает характер почетного института, связанного с присвоением титулов. Литургии, по мнению автора, в рассматриваемый период сложились в определенную систему и являлись натуральным налогом, накладываемым государством на элиту северопонтийских граждан.

В докладе *К.Н. Колесникова* (Днепропетровск) «Таможенные отношения в Северном Причерноморье в римский период: сложности моделирования» была дана оценка источникам, сформулированы основные проблемные вопросы. Автор отметил, что источниковая база ограничена и фрагментарна,

она может быть представлена эпиграфическими источниками (почетные декреты I–II вв., переписка херсонесской и тирийской общин с легатами Нижней Мезии, херсонесские строительные надписи IV–VI вв.), трудами позднеантичных и византийских авторов, данными нумизматики и археологии. Анализ источников позволил К.Н. Колесникову сделать вывод, что таможенная деятельность рассматриваемого периода находилась в значительной мере в частных руках откупщиков. Он подчеркнул, что именно проблема репрезентативности реальной источниковой базы еще длительное время будет оставаться главной.

Исследованию пряжек как части погребального инвентаря в материалах позднеантичной Фанагории посвятил свой доклад «Пряжки гуннской эпохи в некрополе Фанагории» А.А. Строчков (Воронеж). Он подчеркнул, что наиболее представительная серия находок пряжек была получена в результате работ на Восточном некрополе в 2005 и 2007 гг. Анализ исследуемого материала позволил докладчику выделить ряд вариантов. Ранние пряжки (6 экз.) представлены застегками с овальной или круглой рамкой, со значительным утолщением в месте наложения язычка. Наиболее многочисленна, по мнению автора, серия хоботковых пряжек (30 экз.), характеризующихся круглой рамкой, массивным язычком с высоким срезом у основания. Он отметил, что пряжки из Фанагории имеют многочисленные аналогии на Кавказе, в Крыму, на территории черняховской культуры, в Среднем Подунавье и в большинстве своем датируются концом IV – первой половиной V в. н.э.

На секции «История и культура античного мира» (председатели – В.В. Деметьева, С.Г. Карпюк, И.П. Сергеев) выступили 15 докладчиков. Е.В. Литовченко (Белгород) в докладе «Особенности статусной и этнической самоидентификации позднеримских интеллектуалов» отметила, что общая идеология Римской империи, «имперская идея» сохранила свое значение в позднеантичное время. Элементы самоидентификации римской высшей знати имели даже большее значение именно в период поздней античности, когда, по мнению автора, сущность человека определялась его общественным положением, сословным статусом, родом занятий, а не его индивидуальными качествами. Позднеримская культурная элита, воспитанная на литературных примерах древности, преклонявшаяся перед традиционной римской системой ценностей, каждому событию современной действительности находила аналогии в истории Рима. В системе символов, значимых для позднеримских интеллектуалов, важнейшим оставался «вечный Рим».

Доклад А.Б. Акимова (Харьков) «Об участии ветеранов в формировании муниципальной администрации римской Дакии» был построен на статистическом анализе надписей из провинции. Автор пришел к выводу, что ветераны принимали весьма активное участие в местном самоуправлении римской Дакии, участвовали в создании ряда городов. Финансовое состояние ряда ветеранов было, видимо, достаточно велико и позволяло претендовать на различные магистратуры в местном самоуправлении, а почетный и привилегированный статус ветерана обеспечивал им достаточный авторитет среди населения провинции. Привилегированное положение и стабильная финансовая база позволяли многим из них, прежде всего бывшим представителям командного состава, занимать высшие магистратуры в городах провинции. Это дает возможность признать весьма значительную роль ветеранов в формировании и функционировании муниципальной администрации Дакии.

А.П. Беликов (Ставрополь) в докладе «Иллирийские войны Октавиана и их отдаленные последствия» рассмотрел отношения Рима с иллирийскими племенами и обратил внимание на то, что настоящего завоевания иллирийских племен не произошло, а походы Октавиана можно назвать карательными экспедициями. Значительная часть племен фактически не находилась под римской властью. Однако это не помешало достаточно быстрой романизации Иллирии, несмотря на географическую, экономическую и даже культурную близость региона к Греции. А.П. Беликов отметил, что одной из наиболее привлекательных черт римской государственности в период Империи было умение превращать вчерашних врагов в нынешних сограждан. Цивилизаторская миссия Рима в Иллирии несомненно присутствовала даже на уровне смягчения нравов аборигенов, включенных в орбиту римской цивилизации.

Проблеме изучения римской публично-правовой системы раннего времени был посвящен доклад В.В. Деметьевой (Ярославль) «Quaestores patricidii архаического Рима: время возникновения должности». Автор проанализировала сообщения античных авторов, в которых присутствуют упоминания о времени возникновения института именно патрицидных квесторов. Ульпиан использует название должности *quaestores patricidii* и относит ее появление к царскому времени. Фест называет данных магистратов тем же словосочетанием и косвенно указывает на то же время их появления. Тацит прямо указывает на возникновение квесторов в царскую эпоху, но лишь косвенно можно судить о том, что, вероятно, имелись в виду должностные лица, участвовавшие в судопроизводстве. Лишь Помпоний сообщает, что уголовные квесторы возникли в начале Республики, но его дополнительная

информация о них дает основание также предполагать возможность более раннего их появления. Подводя итог, автор пришла к выводу, что наиболее вероятным было появление *quaestores parricidii* в царскую эпоху.

С.С. Казаров (Ростов-на-Дону) в докладе «Захват кампанцами Регия (об одном малоизвестном эпизоде времен Пирровой войны)» рассмотрел сообщения античных источников о мятеже кампанского гарнизона, расквартированного в Регии. Анализ данных Полибия и Дионисия позволил сделать предположение о том, что слово «легион» нужно понимать в данном случае в известном его значении, но никак не в раннем смысле, как отряд или подразделение. Поэтому необходимо отдать предпочтение сообщению Полибия о четырех тысячах кампанцев. Перейти к решительным действиям против мятежного гарнизона римляне смогли только после окончания войны с Пирром. Против кампанцев выступил консул Генуций, который захватил Регий, а мятежных воинов направил в Рим, где они были с позором обезглавлены. Таким образом, овладение Регием вылилось заключительным эпизодом Пирровой войны и завершением полного покорения Южной Италии Римом.

В докладе «Афинские писцы» *С.Г. Картюк* (Москва) использовал возможности социальной антропоники и провел статистический анализ собственных имен афинских писцов. В результате элементарного статистического анализа 301 имени афинских писцов с середины 450-х годов до н.э. по конец 320-х годов до н.э. выяснилось, что доля имен с корнем *dem-* в этом списке оказалась удивительно низкой (всего лишь 2,7%), причем именно к концу IV в. доля имен с корнем *dem-* в надписях этого типа снижается. Доля имен с корнем *arist-* среди писцов (3,0%) мало отличается от среднестатистической по всему гражданскому коллективу. Секретари заметно отличались от основной массы афинских граждан, а еще больше от наиболее социально активных сторонников демократии. Вероятно, демократическая система не препятствовала образованию и функционированию обслуживающих ее «элитарных» социальных групп. Впрочем, система контроля за ними, исходившая от народного собрания или других демократических институтов, была достаточно эффективной.

Особенности политики армянского царя Тиграна II затронут в докладе «Великая Армения во время третьей войны Рима с Митридатом VI» *С.Д. Литовченко* (Харьков). Современные исследователи или характеризовали действия армянского царя в это время как недалековидные, или оправдывали Тиграна II, указывая на объективные причины отказа от помощи понтийскому царю. По мнению автора, Тигран II игнорировал призывы о помощи Митридата VI, так как сохранял надежду на предотвращение столкновения с Римом. К тому же, представляется маловероятным и сохранение армяно-понтийского союза в 70-е годы I в. до н.э. Даже открытые угрозы Луция Лукулла не заставили армянского царя начать военные приготовления. Очевидно, что армянский царь, зная о спорных полномочиях Лукулла на продолжение войны, опасался дать римскому полководцу повод напасть на Великую Армению. Ошибка Тиграна II заключалась в том, что он не смог предвидеть стремительно усилившееся влияние римских полководцев. Поэтому Великая Армения оказалась совершенно не готова к отражению вторжения римских легионов.

В сообщении «Влияние греческих и восточных традиций на кулинарные и застольные обычаи римлян в III–I вв. до н.э.» *Т.А. Дробилко* (Харьков) рассмотрела изменения в римском быту под влиянием захватнических войн III–II вв. до н.э. Заимствование римлянами греческих и восточных традиций началось еще со времен колонизации греками юга Италии. Но особенно ярко этот процесс прослеживается в III–II вв. до н.э., когда Рим превращается в самую могущественную державу Средиземноморья. Восточные обычаи римляне первоначально воспринимали опосредованно, через греков, а впоследствии, с расширением контактов на Восток, это заимствование стало непосредственным.

А.Г. Бандровский (Львов) в докладе «Смена приоритетов, принципов и методов внешней политики Римской империи в период правления Октавиана Августа (латино- и грекоязычная исторические традиции)» обратил внимание на сближение позиций греческих и латинских авторов на почве «эллинистического возрождения» в период Римской империи. Такое сближение демонстрирует 52-я книга Диона Кассия. Именно в советах Гая Мецената и Марка Агриппы содержится синкретическая позиция двух традиций. В этих речах, которые использованы Дионом Кассием как литературный прием, только очерчивается смысл политической деятельности будущего императора, основанный на принципе релятивизации, а именно, прислушиваться к советам окружения и демонстрировать свое решение как результат личного волевого акта. Другим принципом идеологии всей Ранней Римской империи становится принцип моральности правителя. Методы реализации внешней политики – ведения войны и заключения договоров – зависели теперь только от личности императора. После прихода к власти Октавиана Августа был сформулирован основной лозунг внешней политики – расширение пространства Римской империи.

Доклад *О.М. Ильиной* (Харьков) «Культ Великой матери богов Кибелы в ионийских полисах Западного Понта в римский период» был посвящен распространению культа Кибелы в полисах Дионисополе, Томи, Истрии, Одессосе и Аполлонии. В первых трех полисах культ богини еще с эллинистических времен имел официальный характер и сохранил свое положение в пантеоне в римское время. В Томи и Истрии культы Кибелы и Аттиса приобрели государственное значение благодаря как религиозным традициям полиса, так и идеологическим тенденциям в религиозной политике Римской империи. В Одессосе эти культы в эллинистическое время в официальном пантеоне не прослеживаются. В Аполлонии официальный характер культа Великой богини подтвержден немногочисленными нумизматическими источниками, что позволяет предполагать введение культа Матери богов в официальный пантеон полиса в знак лояльности к официальной идеологии Рима.

Оценка сообщениям источников об идеологической ситуации в македонском царстве была дана в докладе *К.Ю. Нефедова* (Харьков) «О зарождении культа правителя в Македонии: Филипп II и Геракл». Образ Геракла, по мнению автора, всегда занимал центральное место в пропаганде Филиппа, и это была не просто дань традиции. Стремясь уподобиться великому герою, Филипп, очевидно, надеялся предстать перед подданными в качестве «нового основателя» царства, который может претендовать на более высокий властный статус, чем тот, которым традиционно пользовался македонский монарх. Не само получение божественных почестей, а именно уподобление Гераклу всеми возможными способами интересовало Филиппа. К этому и сводился в конечном итоге его культ. Данное обстоятельство не позволило раскрыть истинное значение культа Филиппа тем исследователям, которые ищут в его деятельности только факты «прямого обожествления».

О.М. Петречко (Дрогобыч) в докладе «Принципат и институт римского гражданства» отметил, что институт гражданства был важным инструментом романизации и обеспечения стабильного развития Римской империи. Интеграция провинций и провинциалов проходила разными путями, прежде всего, именно за счет расширения римского гражданства и урбанизации. Римское гражданство также навязывалось, чтобы подавить слабые стремления к независимости у покоренных народов. К началу III в. н.э. процесс романизации зашел так далеко, что император Каракалла предоставил полное римское гражданство всем свободным жителям. Однако эпиграфический материал позволяет утверждать, что и после 212 г. в Римской империи были свободные, но без прав римского гражданства. Политику Каракаллы не следует рассматривать как процесс уравнивания. К тому времени усилились отличия между высшим классом и низшими слоями. Римляне в течение всей своей истории пытались использовать потенциал соседних народов. Одним из механизмов, которые применялись при этом, была гибкая политика предоставления гражданства.

В докладе «Представления императоров Галлиена и Аврелиана о путях вывода Римской империи из политического кризиса: опыт сравнительной характеристики» *И.П. Сергеев* (Харьков) рассмотрел политические взгляды правителей, которых отнес к группе императоров-реформаторов. В представлениях этих римских императоров было много общего. Оба они считали, что выходом из кризиса не может быть ни возврат к прежней системе принципата, ни установление военной монархии. Поэтому они не стремились к налаживанию «хороших» отношений с сенатом, но и не шли на поводу у римских солдат. Характер их социальной политики позволяет утверждать, что средством усиления государства они считали укрепление позиций императора. Но способы достижения цели они выбирали разные. Галлиен не придавал большого значения идеологическому обоснованию легитимности власти императора и стремился добиться верности правящей фамилии солдат. Аврелиан видел в религии важную опору императорской власти. Хотя этим императорам не удалось добиться успеха, их опыт был использован Диоклетианом при решении им проблемы преодоления политического кризиса.

С критикой утверждения некоторых исследователей о «республиканизме» Октавиана в начале его политической карьеры выступил *А.Н. Токарев* (Харьков) в докладе «Политика Октавиана в 44 г. до н.э. и образ “нового Цезаря”». Прибыв в Италию после смерти Цезаря, Октавиан не вступил в союз с тиранубийцами, как полагает большинство исследователей, а только проводил консултации с различными представителями сенатской аристократии. Октавиан, объявив о желании принять наследство и имя Цезаря, таким образом заявил и о наследовании «популярной» политики погибшего диктатора. Показательно, что Октавиан вел себя как «популярист» и во время борьбы с Антонием. Таким образом, заявления некоторых исследователей об ориентации Октавиана в 44 г. до н.э. на «республиканизм», в сущности, некорректны. Напротив, он широко использовал «цезарианские» лозунги, а самое главное, его действия вполне вписываются в рамки политики «популяристов», ведь создание образа «нового Цезаря» требовало от него наследования действий «популяриста» Цезаря.

Доклад *А.М. Филиппова* (Харьков) «Гегемонизм и анτισпартанская оппозиция в Древней Греции в 395–386 гг. до н.э.» был посвящен развитию межполисных отношений в Греции в начале IV в.

до н.э. Стремление греческих полисов к автономии вовсе не исключало принятия такого явления, как гегемония. Но не ограниченная обязательствами гегемония трансформировалась в экспансию и противоречила идее полисной автономии. В представлении большинства греческих полисов Афины, Фивы, Коринф и Аргос являлись противовесом спартанскому экспансионизму. Поддержка союзников по антиспартанскому альянсу придавала действиям этих ключевых государств, претендовавших на гегемонию в Древней Греции, необходимую легитимность.

Ряд докладов, непосредственно связанных с антиковедением, был представлен на секции «Изучение и преподавание всеобщей истории в университетах Украины и России (XIX – первая треть XX в.)» (председатель – И.В. Тункина).

В докладе *И.С. Кравченко* (Харьков) «О вкладе И.В. Нетушила в изучение истории раннего Рима» был рассмотрен постепенный переход ученого от изучения чистой лингвистики, фонетики, морфологии и синтаксиса латинского языка к конкретно-историческим штудиям ранней римской истории. Автор представила и проанализировала неоднозначную и даже преимущественно негативную оценку научного наследия И.В. Нетушила, сложившуюся в советской историографии. По ее мнению, такая оценка была обусловлена крайне осторожным отношением ученого к археологическим памятникам и его ориентированием преимущественно на письменные источники – сочинения античных авторов. Между тем И.В. Нетушил отнюдь не игнорировал новейшие археологические открытия, постепенно отходя от тех подходов в изучении римских древностей, которые были выработаны филологами-классиками второй половины XIX в.

А.П. Мартельянов и *Н.С. Мартельянова* (Харьков) выступили с докладом «Практические занятия по изучению древних языков и истории древнего мира как элемент профессиональной подготовки студентов Харьковского университета в конце XIX – начале XX в.». Особое внимание на практических занятиях традиционно уделялось древнегреческому и латинскому языкам, которые усиленно штудировались посредством чтения, разбора и комментирования исторических и литературных памятников. Хорошее знание классических языков – необходимое условие развития антиковедения – обеспечивало преемственность научной школы, сложившейся в Харьковском университете. Изучались в университете также и восточные языки, в частности, грамматику санскрита преподавал П.Г. Риттер, И.М. Эндзелин вел практические занятия, на которых студенты читали и разбирали фрагменты древнеперсидских надписей и «Авесты», а Н.С. Гольдин организовал на практических занятиях перевод законов Хаммурапи.

В докладе *Е.В. Ляпустиной* (Москва) шла речь о проекте создания компьютерной базы данных публикаций в «Вестнике древней истории» за 70 лет существования этого ведущего отечественного антиковедческого издания. Автор ознакомила присутствовавших с идеей создания комплексного мультимедийного проекта, который будет включать базу данных, содержащую все статьи ВДИ с возможностями библиографического и полнотекстового поиска, сайт журнала и пр. Доклад вызвал живой интерес и интенсивное обсуждение, в ходе которого были предложены разные варианты осуществления проекта, учитывающие достижения известных баз данных и библиографических указателей, созданных преимущественно за рубежом.

Два доклада на секции вызвали особый интерес, поскольку стали непосредственным продолжением выступления И.В. Тункиной на пленарном заседании. *А.Н. Чередниченко* (Киев) (доклад «Неопубликованная статья В.П. Бузескула») и *А.Н. Домановский* (Харьков) (доклад «Отечественная византистика и славяноведение в историографическом наследии В.П. Бузескула (по малоизвестным архивным материалам)») независимо друг от друга исследовали хранящийся в Институте рукописей Научной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского перевод неопубликованной третьей части труда В.П. Бузескула по истории византиноведения и славяноведения на украинский язык (полный текст монографии и ее авторский реферат, предназначенный для публикации в сборнике «Україна і Схід» в качестве отдельной статьи). При этом А.Н. Чередниченко уделила преимущественное внимание общественно-научному контексту, в котором осуществлялся перевод исследования на украинский язык, планировалось и – в итоге – не было осуществлено его издание. А.Н. Домановский же предпринял попытку историографической характеристики труда В.П. Бузескула по истории византистики, включив его в широкий контекст современных ему и более поздних историографических исследований (а иногда и идеолого-пропагандистских очерков) Ф.И. Успенского, А.А. Васильева, В.Е. Вальденберга, Г.Н. Лозовика, Ф.И. Шмита, С.А. Жебелева, Н.С. Лебедева, Б.Т. Горянова, В.И. Пичеты, М.В. Левченко, Н.П. Соколова, З.В. Удальцовой, Г.Л. Курбатова, И.П. Медведева.

Тезисы докладов конференции опубликованы: Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции (Харьков, 10–11 октября 2008 г.). Харьков, 2008.